Глава IV

РУССКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В ТУВЕ

…выкопаф могилу преглубокую
И спустили в могилу гроб Святогора Романова,
Засыпали песком-хрящом сыпучием;
Навалили они сер камень великий же…
Былина «Погребение Святогора»

Первые переселения русских в Туву практически не сказались на погребальной практике обоих народов. Большинство мигрантов не стремилось к близкому знакомству с аборигенными жителями. Старообрядцы, как правило, избегали каких-либо тесных контактов, селились изолированно в глубине таежных районов. Благодаря этому в среде старообрядцев были «законсервированы» старинные ритуалы первопроходцев.

Тувинские староверы были представлены двумя религиозными направлениями — поповцами и беспоповцами. Первые, признававшие священников, являлись представителями белокриницкого («австрийского») согласия, вторые же, заменившие священников наставниками (*уставщики*), принадлежали к поморцам, часовенным, бегунам-странникам, вероятно, филипповцам и федосеевцам. К концу XX в. число староверческих толков и согласий в Туве резко сократилось. Остались только немногочисленные поповцы и часовенные, а также поморские беспоповцы (Татаринцева, 2006, с. 209, 211; 2006а, с. 45).

Староверческие хозяйства, некогда встречавшиеся во многих местах вдоль Енисея, с приходом советской власти локализовались в Каа-Хемском и Тандинском кожуунах[1]. С 1921 г. наметилась тенденция перемещения староверов в особенно глухие таежные места. В 1930–1940-е гг. она усилилась (Еськов, 2001, с. 74).

В настоящее время староверческие поселения сохранились только в верховьях Малого Енисея. Это поселки Эржей, Сизим, Ужеп, Чевелиг-ой, Чодураалыг, Ангары, Май, Ок-Чары. В глубине тайги до сих пор продолжают существовать скиты, куда теперь уходят некоторые пожилые ортодоксально настроенные староверы[2]. Однако нельзя сказать, что ис-

---

[1] Староверы проживали на территории современных Улуг-Хемского, Пий-Хемского, Кызылского, Тере-Хольского, Каа-Хемского и Тандинского кожуунов (Дьяконова, 1992, с. 106).

[2] Участница переписи населения 1930 г. оставила описания одного из каа-хемских скитов: «Землянки находились высоко в скалах, окна были прорублены

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

ход в таежные дебри как религиозное движение забыт окончательно. По словам местных жителей, в последние годы наметилось перемещение отдельных семей староверов дальше в верховья Каа-Хема (ПМА, 2008, л. 33). Кроме того, несколько лет назад у истоков р. Хамсары в Тоджинском кожууне поселилась христианская община, состоящая из трех десятков человек, включая детей (Тува-Онлайн, 20.02.2008). Хотя вряд ли этих людей следует причислять к старообрядцам, скорее они являются последователями какого-то сектантского новообразования.

В древности славяне наделяли человека двумя «душами»: доброй и злой (Седакова, 2004, с. 63). Позднее с внедрением христианства народные верования слились с новой религией и создали представления об одной-единственной «душе», но имеющей разнообразную природу. Считалось, что «душа» наиболее прочно связана с Верхним миром и с такими его проявлениями, как огонь («огонь жизни»), астрал («падающая звезда — знак смерти»), воздух («душа», «дух вон»). Славяне верили в невидимость «души» умершего, и в то же время в ее способность превращаться в насекомое (бабочку, муху), птицу (голубя, утку, воробья), зверя (мышь, коня), растение или принимать антропоморфный облик (Афанасьев, 1983, с. 352–360; Власова, 1995, с. 275). Одна из редких возможностей увидеть «душу» покойного предоставлялась во время поминок,

---

в потолке и закрывались, как трубы. Было там необыкновенно красиво: стены крашены особой краской, ее из подсолнухов они делали, все иконы обрамлены бисерной вышивкой и в свете лампадок и свечей все очень красиво переливалось и сверкало. В спаленке стояли лавки. Все обитатели этого монастыря делились по возрасту и полу: парни жили отдельно от взрослых мужчин-монахов, у женщин тоже было разделение» (Зверева, 2001, с. 172–173). Спустя почти сорок лет староверческие кельи продолжали поражать мирских чистотой и уютом, что было засвидетельствовано поэтом и писателем А.Ф. Емельяновым (Емельянов, 1984, с. 67, 71, 73–74). Впрочем, он же описал и места проживания тувинских старообрядцев совсем иного характера: «Первое неотразимое впечатление, когда мы вошли в келью, — это нестерпимо резкий неприятный запах… от немытого многими годами человеческого тела, не убираемого также многими годами жилья, застоявшегося воздуха, редьки, которой питаются монахи, затхлого тряпья, ладана. …увидел я слева большую русскую печь, несколько деревянных топчанов с грязным тряпьем на них, стоящих вдоль стен, и разбросанные и развешанные там и сям лестовки, подручники и другие предметы монашеского быта и обихода» (Емельянов, 1984, с. 82). Историк, фольклорист, знаток старообрядчества Н.Н. Покровский подчеркивал, что «отказ от омовения — традиционная добродетель монашества со времени его возникновения и до сего дня (во всяком случае, в енисейских скитах)» (Покровский, Зольникова, 2002, с. 445). В наши дни монахини, отказываясь от бани, допускают омовение в проточной воде (Татаринцева, 2006а, с. 78).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

когда можно было, сидя на печи, посмотреть сквозь берцовую кость животного (Седакова, 2004, с. 38, 106).

Умершие своей смертью почитались как защитники рода. Самоубийцы же, утопленники, мертворожденные представлялись опасными, так как выступали воплощением темных, недобрых сил. Предполагалось, что их неистраченная жизненная сила, перейдя в иной мир, становится вредоносной для живых, губя другие «души» (Седакова, 2004, с. 39–40).

Согласно христианской религии, загробный мир делится на рай и ад, в которых пребывают «души» праведников и грешников соответственно. Рай располагается на небе (по некоторым представлениям, на земле, а именно на возвышенности). В нем вечная весна, поют птицы, мир и покой, всегда светит солнце. Ад — темная преисподняя, страна мучений, зловонная пустыня, размещающаяся в недрах земли. В нем полыхает пламя (геенна огненная) и одновременно ужасно холодно. После смерти человека его «душа» находится в загробном мире лишь до второго пришествия Иисуса Христа, когда должен наступить конец света и произойти Страшный суд. После этого рай переместится на землю, а «души» праведников соединятся с воскресшими телами.

Направлением «душ» в рай или ад занимается Бог, оценивая тяжесть грехов, совершенных умершим при жизни. Это происходит непосредственно перед смертью человека, когда за его отлетающую «душу» борются ангел и черт[1]. Предсмертные страдания умирающего объяснялись именно проявлением этой борьбы (Максимов, 1994, с. 27; Русские обычаи…, 2005, с. 60). Победитель забирал «душу» с собой. Ангел доставлял ее Богу, а черт уносил в ад. Правда, «души» особых грешников еще до Божьего суда могут оказаться в аду.

По представлениям русских, «душа» уходит в иной мир постепенно, поэтапно. Сначала «душа» покидала тело умершего, затем она выходила из жилища, после чего временно наведывалась обратно в дом, навещала гроб в могиле и, наконец, исчезала из мира живых (Костомаров, 1993, с. 235–236; Седакова, 2004, с. 72; Русские обычаи…, 2005, с. 71–72).

В русскоязычной среде существовали поверья о предзнаменованиях надвигающейся смерти. Они могли выражаться в неурочном крике петуха; петушином пенье курицы; чрезмерно коротком куковании кукушки; навязчивом карканье вороны; стуке птицы в окно, дверь или стену; собачьем вое; прилете к дому и опускании на крышу ворона, ястреба, филина, совы; укладывании кошки поперек половиц; порче мышами

[1] Многие крестьяне верили, что ангел и черт сопровождают человека в течение всей жизни. Ангел незримо находится за его правым плечом, а черт — за левым (Власова, 1995, с. 256).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

одежды; падении звезды; самопроизвольном звоне колокола; беспричинном открытии двери; неожиданном треске стены, лестницы, подоконника или печи; завывании ветра в трубе; разбивании зеркала. Близкую кончину предвещали также плохие сны: разрушение дома; находка пояса; вход священника в дом; появление пчел; видение печи или лодки; выпадение зуба; отрывание каблука либо подметки (Костомаров, 1993, с. 244; Русские обычаи…, 2005, с. 75–77; Прищепа, 2006, с. 55).

Некогда у русских использовалось множество эвфемизмов для замены понятия «смерть», например, ушел в мир иной, Бог прибрал, уснул навеки, затушил свечу, преставился, дал дуба, перекинулся. Но в последнее время их стали применять от случая к случаю, не вкладывая никакого сакрального значения, только желая украсить речь нетипичным выражением или же, наоборот, снизить ее пафос.

Когда-то в славянской среде существовали различные способы захоронения покойных. Однако под влиянием православия возобладала ингумация. Обязательность подземного погребения закрепилась в народных пословицах: «Сверх земли не положить даже нищего и бездомного» (Максимов, 1994, с. 210).

Погребальные обычаи старообрядцев как наименее деформированные временем представляют особый интерес. Тувинские староверы на склоне лет обычно начинают готовиться к смерти. Для этого изготавливается специальный костюм — *смертная одежа*, *сряд*. Такое одеяние шьется вручную от себя (конец иглы обращен в противоположную сторону от шьющего) из белого холста или бязи, причем используются суровые нитки без узлов, что восходит еще к дохристианской традиции. У женщин в «смертную одежу» входит сарафан-*горбач*, нательная рубашка (*становина*), пояс, головной убор с открытой макушкой (*шамшура*), два платка, чулки или носки и тапки (*босовы*), у мужчин — рубаха, штаны, пояс и носки. Обязательным предметом является саван, в котором отверстие для лица вырезается уже после облачения покойного (Дьяконова, 1992, с. 109; Блошицына, 2004, с. 18; Лантухова, 2006, с. 141; Татаринцева, 2006а, с. 118–119). В прошлом саваны различались. У поморцев мужской саван был короткий, сшитый углом, женский — длинный и с оборками, у австрийцев (независимо от пола) — длинный, до пят (Данилко, 1997, с. 66).

Большое значение придается символике пояса, что является универсальным надэтническим элементом. Выступая как оберег, пояс приравнивается к нательному кресту. Типичны высказывания староверов: «Крест и пояс всегда на человеке должны быть, если человек крещеный. А некрещеный — ему ни креста, ни пояса» или «Подпоясанного бес боится» (Шитова, 2005, с. 77; Татаринцева, 2006а, с. 86, 112).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

Человек, готовящийся к смерти, обязательно должен был покаяться и причаститься, то есть выпить три ложки священной воды (Татаринцева, 2006а, с. 118).

Издавна практиковался обряд обмывания покойного. Вода всегда служила одним из наиболее действенных оберегов от злых потусторонних сил. Поэтому обмывание трупа считалось обязательным. Некогда его совершала профессиональная группа лиц — *смывальщики*, *умывальщики*, *обмывальницы*, *мытницы*, — в которую входили старые девы и пожилые вдовцы. Обычно в обряде участвовали три человека: «один обмывает, другой посудку держит, третий поддерживает тело». Покойника обмывали мужчины, покойницу — женщины. Процедура сопровождалась чтением молитвы (Русские обычаи…, 2005, с. 61–62). В тувинской староверческой среде утвердилось правило, согласно которому умершего обмывают и облачают в саван пожилые женщины, а укладывают в гроб старики, причем обмывают «те, кого попросят» (Татаринцева, 2006а, с. 118).

Поместив покойного в гроб, ему связывали руки и ноги, но перед самым погребением веревки развязывали (Татаринцева, 2006а, с. 119).

После обмывания под вечер труп относят в храм, где всю ночь, сменяя друг друга, родственники и близкие молятся. При молениях используются кожаные или матерчатые четки (*лестовка*) и коврик для поклонов (*подручник*) (Дьяконова, 1992, с. 109; Блошицына, 2004, с. 18–19). *Лестовка* — многозначный религиозный атрибут — имеет вид ленты, оканчивающейся четырьмя лопастями. Внутрь нее вставляются короткие деревянные палочки. В последние годы дерево часто заменяется картоном или скрученной бумагой. Различаются лестовки Иисуса и Богородицы. Первый тип имеет 102 вставки, второй — 150. Считается, что *лестовка* выступает в роли свидетеля перед Богом о количестве произнесенных человеком молитв. *Подручник* представляет собой коврик или плоскую подушку. На него при совершении земных поклонов кладутся руки с целью избежать прикосновений к земле[1]. *Подручник* изготавливается из двенадцати разноцветных кусков материи, символизирующих двенадцать апостолов. Впрочем, нередко правило нарушается, и используются всего четыре куска (Шитова, 2005, с. 93, 95; Татаринцева, 2006а, с. 55–56).

Ночные моления, безусловно, восходят к архаичному обряду, который требовал от ближайшей родни (обычно детей умершего) присутствовать в течение всей ночи возле умершего с возжиганием сакрального огня (Велецкая, 2003, с. 29–30).

Сакральный, *живой*, *чистый* огонь для похоронного ритуала (а также для хозяйственных нужд) староверы прежде добывали исключительно

---

[1] Прежде лестовка и подручник являлись всеобщими православными атрибутами. На после того как церковная реформа патриарха Никона (проведенная в 1650–1660 гг.) заменила земные поклоны на поясные, они остались только у староверов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

трением, но в последнее время стали использовать кресало и самодельные «спички» — лиственничные лучины с серой, приобретенной в аптеке. Свечи староверы изготавливают сами, используя воск, жир и льняную нить (личный архив Ю.В. Ивановой-Бучатской).

Гроб выносят на кладбище ближе к полудню. При этом соблюдается правило, чтобы покойный лежал ногами вперед. На крышку гроба трижды крестообразно сыплется земля. Если в миру это делает священник, то у староверов-беспоповцев — *уставщик*[1].

Яркой отличительной особенностью погребального обряда староверов было использование не дощатого гроба, а колоды, выдолбленной из цельного древесного ствола, обычно кедра, лиственницы, сосны или тополя (Дьяконова, 1992, с. 110–111; Татаринцева, 2004, с. 146; 2006а, с. 119; Лантухова, 2006, с. 141; ПМА, 2004, ч. II, л. 6). В исключительных случаях применялись колотые доски, которыми, не сплачивая, устилали дно могилы и закрывали трупы (Емельянов, 1984, с. 64). В последнее время в основном фигурируют гробы. Однако при их изготовлении нередко используется старинная технология — сколачивание деревянными гвоздями.

Возможно, среди тувинских староверов сохранились представления, зафиксированные этнографами в Омской области. Омские старообрядцы, по сравнению с остальным населением, выкапывая могилу, делают ее не такой глубокой. Если стандартная могила имеет глубину около двух метров, то у староверов — только полтора. Объясняется это тем, что, «когда наступит Страшный суд, то покойнику легче будет вставать, чем мирским» (Минин, 2007, с. 304).

В скитах Тувы в случае, если смерть наступила зимой, из-за трудоемкости копания промерзшей земли гроб с мертвецом могут оставить на кладбище до весны (Татаринцева, 2004, с. 147; 2006а, с. 120)[2].

Труп, по христианскому правилу, располагают головой на запад.

Могильные холмики выглядят как низкая уплощенная пирамидальная или округлая насыпь. Намогильным знаком служит высокий деревянный восьмиконечный крест или столбообразный конусовидный или пирамидальный памятник, вырубленный из лиственничного ствола. Возможно, в этом сказалось распространенное в старину убеждение, что крест сле-

---

[1] К сожалению, остается невыясненным, сохранилась ли в Туве старинная традиция староверов-поморцев класть в гроб в полотняном мешочке волосы и ногти, собранные человеком в течение жизни.

[2] В старину в зимнее время русские не хоронили покойников низших и средних социальных слоев, так как рытье могилы было очень дорого, а оставляли трупы в усыпальницах и притворах до весны (Костомаров, 1993, с. 233).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

дует устанавливать на могиле только истовых верующих, остальным же полагается столб с врезанной иконкой (Голубкова, 2006, с. 105). Ограда нередко представляет собой массивное сооружение со столбами из крупных стволов деревьев и продольных толстых жердей (ПМА, 2004, ч. II, л. 6) (рис. 6).

Вернувшись с похорон, родственники и друзья покойного моют руки с мылом. После этого устраивается поминальная трапеза. На столе, по обычаю, должно присутствовать ограниченное число блюд. Когда-то их было всего три: хлеб, сладкая каша и сладкий напиток. Со временем хлеб утратил доминирующее положение, и на первое место выдвинулась кутья (*коливо*) — вареная пшеница, ячмень, другие крупы или рис с изюмом, а иногда и с медом; канун (*сыта*) — мед, разведенный в воде, часто с раскрошенным хлебом или же кисель; блины. Заменой кутье, а часто дополнением служили вареные бобы с сахаром или медом. Кисель старались варить очень густой, причем ели его ложкой. Считалось, что киселем «торили дорогу покойному» (Русские обычаи…, 2005, с. 74).

В настоящий момент на поминках староверов представлено гораздо больше блюд. Различается постный и скоромный поминальный стол. Кисель (уже не такой густой, как прежде) часто заменяют квасом или компотом, а блины — лапшой. Характерными особенностями являются наличие рыбного пирога и отсутствие мясных блюд, даже в мясоед (Блошицына, 2004, с. 19).

У староверов сохраняется обычай раздачи членам общины одежды умершего. Каждый, получивший что-нибудь из верхней одежды, должен произнести столько молитв за покойного, насколько ценна доставшаяся ему вещь. Отказаться от подарка нельзя (Шитова, 2005, с. 99).

Широко распространенное в современном обществе употребление на похоронах алкогольных напитков затронуло и староверов. Они пьют настойку или брагу (*травяница*, *кислуха*) (Татаринцева, 2006а, с. 120; личный архив Ю.В. Ивановой-Бучатской).

В целом же в среду русскоязычного населения Тувы советские преобразования внедрили общегражданский ритуал, основой которого явилась условно русская обрядность, лишенная религиозной составляющей. Несмотря на то что сохранились многие старинные обычаи, большинство жителей следует им по инерции, не вникая в содержание. Так, продолжают занавешивать тканью зеркала (иногда и окна) в доме покойного, трижды поднимать и опускать гроб, мыть пол и мебель после выноса умершего, ставить стопку или рюмку водки, покрытую куском хлеба или блином, перед портретом умершего (прежде — чашу с водой и миску с кашей, кутьей), закидывать лапником дорогу траурного поезда, бросать горсти земли и монеты в могилу. Однако в последнее время начинает частично

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

возвращаться христианская традиция. Теперь часто на похороны приглашается священник. В церкви по покойному служится панихида (отпевание). А на кладбище священником читается специальная молитва-лития. В руку умершему вкладывается бумага с текстом молитвы.

Гробы повсеместно обтягивают тканью. Этот обычай является продолжением старинной традиции, существовавшей у русских еще в XVII в. Правда, тогда обивку гроба могли позволить себе только богатые люди, так как в основном использовался бархат (Костомаров, 1993, с. 232).

В русскоязычной среде утреннее время остается наиболее предпочтительным для выноса умершего из дома. Сакральный огонь в доме умершего зажигается далеко не всегда. Могилу обычно выкапывают за день до похорон. Занимаются этим посторонние люди, не состоящие в родстве с покойным. Устройство могил имеет локальные особенности. Так, русские жители Каа-Хемского и Тоджинского кожуунов в могильной яме над гробом сооружают навес в виде дощатого настила, установленного на четыре столба. Нередко на дно могилы укладывают лаги или кидают лапник, предназначенные изолировать гроб от могильной земли.

Последнее прощание знаменуется целованием близкими родственниками лица покойного или венчика (освященной бумажной ленты, на которой между изображениями Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи располагается надпись: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас») на его голове. Остальные провожающие ограничиваются прикосновением руки к стенке гроба во время медленного прохождения вдоль него. Стало обязательным чтение некролога или произнесение прощальной речи (ПМА, 2003, ч. II, л. 7, 9)[1].

Повсеместно на похороны принято одеваться в одежду черного цвета, что служит символом скорби. Это правило привилось в России сравни-

---

[1] Некогда у русских существовали погребально-поминальные плачи-причеты, исполнявшиеся специально приглашаемыми плакальщицами (Рыбаков, 1987, с. 113–114, 117–120; Зеленин, 1991, с. 355; Костомаров, 1993, с. 232–233). Плачи продолжались с момента смерти до погребения, исключая ночное время, когда следовало только приговаривать. Плачи включались также в обряд поминок (Седакова, 2004, с. 88). Считалось, что оплаканный покойник не будет беспокоить живых (Русские обычаи…, 2005, с. 59). В то же время существовало поверье, требующее не выказывать скорбь по умершим детям, так как материнская слеза «жжет ребенка» (Русские обычаи…, 2005, с. 62). Церковь, относя похоронные плачи к языческому наследию, выступала их противницей. В XVIII в. в борьбу за их искоренение вступила и государственная власть. Так, в 1715 г. на смерть царицы Марфы, вдовы царя Федора Алесеевича, Петр I откликнулся указом, запрещавшим на похоронах «выть как ныне, так и впредь».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

тельно недавно — в конце XIX — начале XX в. Ранее знаком траура являлся белый цвет (Зеленин, 1991, с. 354–355).

Мужчины перед гробом стоят с обнаженными головами, женщины — как правило, в платках или головных уборах.

Гроб в могилу опускается на веревках, однако в Тоджинском кожууне отмечен старинный ритуал — применение полотенец. Когда-то такой способ был широко распространен, поскольку запрещалось использование веревок («на веревках вешаются») (Седакова, 2004, с. 166). Полотенца после засыпки могилы рвутся на куски и раздаются всем присутствующим на похоронах.

Обычно русские избегают класть в гроб погребальный инвентарь. Имеющиеся в гробах подушечка под головой и покрывало-саван скорее могут расцениваться как элементы похоронного костюма и оформления гроба. На могильном же холмике, наоборот, выкладываются подношения: венки, цветы (искусственные и живые), продукты.

Могильные холмики имеют стандартный вид — это низкая уплощенная пирамидальная насыпь. Случается, что их обкладывают дерном или камнями.

Постепенно начинает возрождаться утраченное в советское время сакральное окуривание могилы и гроба. Правда, в отличие от тувинцев, у русских фигурирует не можжевельник, а ладан[1]. Окуривание осуществляет приглашенный священник.

Долгие годы наиболее распространенным намогильным знаком была деревянная, иногда бетонная колонка в виде вытянутой усеченной пирамиды. Правда, встречались и шести-восьмиконечные деревянные (крайне редко бетонные) кресты, порой имеющие двускатную крышу (*часовенка*). В последнее время крестов становится все больше (рис. 7, 8).

В п. Тоора-Хем Тоджинского кожууна русскоязычное население часто обвязывает кресты полотенцами, что демонстрирует продолжение древнего обряда (рис. 9). Полотенца-рушники, повешенные и повязанные на крест, когда-то считались жертвенными дарами умершим, а также оберегами от нечистой силы (Голубкова, 2006, с. 107). Несомненно, их прототипом являются *обыденные* полотенца, восходящие еще к дохристианским временам. Они, сотканные за одну ночь, предназначались служить преградой смерти (Зеленин, 1994, с. 194–201).

Следует отметить, что в Тоора-Хеме аналогичный ритуал проводят и тувинцы. Правда, повязывают они не полотенца, а шелковые *кадаки*, и не на кресты, а на пирамидальные намогильные памятники.

---

[1] У староверов, помимо ладана, для окуривания используется можжевельник и богородская трава (чабрец) (Татаринцева, 2006а, с. 119).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

Типичное навершие памятников советского периода — пятиконечная звезда — теперь почти не устанавливается. Звезду заменили маленькие кресты.

В последнее время многие русские стали отдавать предпочтение монументам в виде вертикально установленных мраморных и бетонных плит. Преобладают трапециевидные формы, но нередки и прямоугольные с округлой или скошенной верхней частью (рис. 10).

Порой над могилой вместо холмика располагается бетонная плита. Когда ее изготавливают на месте погребения, то дощатую опалубку убирают далеко не всегда. Обычно намогильные плиты сочетаются с памятниками и монументами (рис. 11).

Часто на памятниках, помимо имени и дат жизни умершего, помещают его портрет. Как правило, это фотография на эмалированной овальной пластине или выгравированное изображение на камне. При этом если человек умер в пожилом возрасте, то подбирается портрет не преклонных лет, а более ранней поры — времен зрелости. В этом следует видеть проявление общечеловеческих психологических установок, благодаря которым образ предка неразрывно связан с наиболее продуктивным отрезком жизненного пути[1]. Веянием нового времени стали скульптурные каменные и бетонные бюсты (рис. 12).

Повсеместно могилы огораживаются деревянной или металлической оградой, у которой имеется калитка (рис. 13). Бывает, что ограда окружает несколько могил, ограничивая место семейного некрополя. Для поминок также часто сооружаются скамейки и столики. Памятники и ограды окрашивают в красный, белый, синий, голубой цвета, используется и краска серебристого оттенка. Обычно цвет памятников и оград не совпадает.

Необходимо обратить внимание на заимствования из тувинской погребальной обрядности. Наиболее часто встречающимся чужеродным элементом для русской традиции является смена ориентировки погребенного. Нередко русские захоронения расположены таким образом, что покойный направлен головой не в обычном западном направлении, а на ближайшую гору[2]. Другим заимствованием, отмечающимся гораздо

---

[1] Те же представления побуждали древних римлян изготавливать восковые раскрашенные портреты граждан, достигших высокого положения в обществе (лат. *imagines*), еще при их жизни, в расцвете сил. Такие «личины» хранились в *атриуме* дома и впервые выставлялись на обозрение публики только после похорон человека (Толшин, 2007, с. 22).

[2] Заметим, что изменение ориентировки покойника (казалось бы, одного наиболее из устойчивых элементов похорон) наблюдается и в крупных российских городах, где могилы ориентируются относительно проложенных тропинок и дорог.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

реже, выступают намогильные стелы из скальных обломков. Такие стелы водружались над некоторыми могилами в г. Кызыле еще в 1970-х гг., причем напротив стел часто вкапывались деревянные памятники или кресты (ПМА, 2003, ч. II, л. 8; 2006, л. 3) (рис. 14)[1].

Современный русский поминальный стол практически не отличается от праздничного, но в него включены обязательные кутья или рисовая каша, кисель, квас или компот и блины. Поминки не обходятся без спиртных напитков. Как правило, на стол выставляется водка (иногда разбавленный спирт), коньяк, красные вина. Исключены игристые вина, считающиеся знаком праздничного веселья.

Несмотря на все произошедшие перемены, остались прежними сроки поминальных дней. Как у староверов, так и у «мирских» они устраиваются сразу после похорон, на третий (*третины*), девятый (*девятины*), сороковой день (*сороковины*) и через год (*годину*). В прежние времена строго обязательным считалось троекратное поминовение — на третий, девятый и сороковой день. Народные и религиозные представления объясняли это тем, что на третий день после смерти изменяется образ умершего, а ангел приводит душу на поклонение Богу; на девятый день распадается тело, и душа навещает мир живых; в сороковой же день истлевает сердце, а ангел приводит душу к Богу для определения места в загробном мире (Русские обычаи…, 2005, с. 71–72).

В последнее время покойных поминают ежегодно на Пасху (несмотря на возражения священнослужителей), в Радоницу/Радуницу, субботу перед Троицыным днем (Родительская суббота) и Троицу. Иногда проводятся поминки через полгода после смерти и в день ангела.

При поминальных посещениях[2] кладбищ русские оставляют на могилах цветы, крашеные яйца, хлеб, пироги, стопки или стаканы с водкой. Издавна существовал обычай посыпать погребение зерном. Правда, в отличие от тувинцев, у которых это действо служило символом-пожеланием многочисленного потомства, у русских оно являлось жертвой-подношением «душам» умерших, появлявшихся на могилах в виде птиц. Старинный ритуал обливания могильного холма водой трансформировался в обычный полив посаженных цветов или выросшей травы.

Посещение могилы нередко сопровождается разговором с покойным, когда родственники говорят вполголоса, обращаясь к кресту или памятнику. Они рассказывают о своей жизни, семейных делах.

---

[1] Впрочем, сочетание креста и камня на могильном холме не было абсолютно чуждо славянским народам. Например, подобным образом отмечали могилы белорусы в XIX — начале XX в. (Зеленин, 1991, с. 351).

[2] У староверов не принято ухаживать за могилами (Татаринцева, 2006а, с. 120).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

Экономический кризис, разразившийся в Туве в 1990-х гг., сказался на городской погребальной обрядности. Покупка участка на кладбище стала недоступной для многих горожан. Проблема оказалась настолько серьезной, что вплоть до весны 2008 г. на кладбище г. Кызыла в течение двух-трех лет пролежало не захороненными значительное число трупов «безродных и невостребованных лиц» (Плюс Информ, 2008, № 17). По этой причине в степях под Кызылом начали возникать самовольные, не санкционированные властями одиночные захоронения (Центр Азии, 15.12.2004; Риск, 2005, № 12)[1]. Среди них особое место занимают младенческие могилы, появившиеся в месте, именуемом Вавилинским Затоном.

На высоком берегу Енисея среди редких кустов караганника были сооружены овальные выкладки из галечника, отмечающие места захоронений (рис. 15)[2]. На некоторых из них стояли стеклянные банки с полевыми цветами, а в одном случае были положены овощи и алюминиевый нательный крест.

Судя по одному погребению, для умершего младенца выкапывалась полуметровая яма. Труп в своеобразном гробу — небольшом прямоугольном ящике, обитом материей, — укладывали головой в западном направлении. Покойного укрывали саваном — куском белого тюля — и снабжали сопроводительным инвентарем: пластмассовой игрушкой, стеклянным рожком, соской-пустышкой, искусственными цветами.

По всей видимости, экономические трудности и социальные проблемы запустили в русской среде механизм возрождения архаичных представлений, связанных с устройством детских погребений вне общественного кладбища. Как известно, у большинства народов, в том числе и славян, ребенок с момента появления на свет и до совершения определенных ритуалов воспринимался не человеком, а неким бесполым существом (Байбурин, 1993, с. 41, 59). Когда-то детей, умерших до крещения, запрещалось хоронить вместе со всеми. Их погребали тайно в жилых домах, на перекрестках дорог, в огороде, гумне, в саду, под одиноко растущим деревом (Зеленин, 1995, с. 72–73). В прежние времена русские часто сопровождали детские погребения игрушками (Байбурин, 1993, с. 111; Листова, 1993, с. 57). Более того, использование куска тюля находит полное соответствие в русской обрядности, где он нередко служил заменителем церковного покрывала (Носова, 1993, с. 90, 96).

---

[1] Когда-то у русских считалось богоугодным делом дать денег беднякам на похороны родственника (Костомаров, 1993, с. 233).

[2] Не исключено, что специфика выбранного места перекликается с одним тувинским обычаем, по которому детей до семи лет хоронили возле куста караганника (Кенин-Лопсан, 2006, с. 172).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН

Наступившая в начале 2000-х гг. относительная стабильность в экономике привела к прекращению функционирования этого импровизированного детского кладбища. Древний ритуал так и не перерос в современную традицию.

Как показывает представленный краткий обзор, погребально-поминальные обряды русскоязычного населения Тувы демонстрируют несомненное культурное родство. При этом отмеченное разнообразие объясняется локальными и социальными причинами. Можно уверенно заключить, что, несмотря на «рецидивы» возрождения забытых обычаев, большинство русских жителей следует усредненному общегражданскому комплексу похорон, в основном утратившему религиозную основу. Вместе с тем часть русскоязычных граждан восприняла отдельные элементы тувинской обрядности. Старинный православный канон наиболее полно сохранился только в староверческой среде, где законсервировалось и большинство архаичных дохристианских черт.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025566-1/
© МАЭ РАН